

П. М. Месробян

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ STRANGE И FOREIGN С ИХ СИНОНИМАМИ

В настоящей статье изложены результаты по семантическому исследованию двух синонимических групп в английском языке: *strange* со своими синонимами, заимствованными из французского языка—*curious, singular, peculiar, quaint, unique, eccentric*, и *foreign* со своими синонимами, заимствованными из французского языка—*alien, extrinsic*, и их англо саксонские эквиваленты—*uncouth* и *outlandish*.

При рассмотрении лексико-семантического развития синонимических групп *strange* и *foreign* мы исходили из определения слова как реально и самостоятельно существующей единицы языка. В связи с этим в изучаемых рядах всесторонне были исследованы как внутренние формы развития слова, так и взаимоотношения между соотносимыми единицами, их место в данной группе и в словарном фонде английского языка. На основе наблюдений над прилагательными освещается также вопрос о соотношении слова и понятия. Ниже приводятся результаты наших наблюдений.

Исследуемый материал позволяет определить роль и место каждого из лексико-семантических вариантов в синхронном плане, их номинативное значение, круг сочетаемости, причины развития полисемии, степень охвата качественного признака¹, соответствие семантического объема того или иного значения (в современном языке) со словарной статьей² и, исходя из идентичности тех или иных явлений, наблюдаемых в полисемии этих двух лексико-семантических групп, в настоящей статье сформулированы некоторые теоретические положения, говорящие о системном характере семантических явлений.

Причина подбора настоящего материала для лексико-семантического анализа заключается в следующем: лексико-семантическое развитие французских заимствований является одним из малоизученных вопросов в семасиологии английского языка. Исследуемые нами прилагательные в основном заимствованы как полисемантические слова во второй период среднеанглийского языка (1250—1400 гг.), когда большое количество французских прилагательных навело английский язык главным образом через парижский диалект³. Следовательно, надо полагать, что подавляющее большинство прилагательных и их синонимические ряды заимствованы книжным путем. Их семантическое развитие в английском языке носит системный характер и, несмотря на наличие в ряде случаев лексической аналогии (по французскому образцу), оно подчиняется законам английской лексикологии.

Так, из рассмотренных нами 34 заимствованных значений французских прилагательных 28 принадлежат второму периоду среднеанглийского языка. Кроме этой количественной характеристики, есть и другая особенность семантического порядка, которая характеризует данную эпоху. Когда в совр. англ. периоде значения этих французских заимствований, вошедших в среднеангл. язык, перезаимствуются, они становятся доми-

¹ Т. е. какую часть понятийного содержания охватывает данное значение.

² Проверка произведена на основании наблюдений многочисленных контекстуальных сопряжений.

³ Работы следующих авторов:

Albert Baugh — A History of the English Language, 2nd ed. London, 19, 1957

J. A. Sheard — The Words We Use, London, 1954.

J. Wright — An Elementary Middle English Grammar, London, 1957.

O. Emerson — A History of the English Language, New York, 19.8.

O. Jespersen — Growth and Structure of the English Language.

вантами по своему смысловому объему и понятийному содержанию. С другой стороны, другие прилагательные — *unique* (1602), *eccentric* (1601), *extrinsic* (1541), первое заимствованное значение которых совпадает с периодом повторного заимствования значений *single* (I—1325, II—1682), *singular* (I—1340, II—1684), *resilient* (I—1460, II—1590)⁴, не смогли закрепиться в языке и в основном остались периферийными.

Заимствования из французского языка, особенно среднеанглийского периода, несомненно, сыграли большую роль в обогащении словаря английского языка. Более того, они проливают свет на контакты между двумя народами в плане исторических и культурных взаимоотношений. Вместе со словами в английскую действительность проникли также бытующие на континенте (в частности во Франции) идеи и понятия, нашедшие свое отражение в лексических единицах в виде слов, фразеологических сочетаний или терминов.

С другой стороны, в среднеанглийский период в самой Англии развернулся последний этап борьбы между английским и англо-норманским языками, где победителем вышел английский язык.

Одна из причин, способствующих массовым заимствованиям из французского языка, заключается в том, что в древнеанглийском языке число прилагательных было ограничено. Кроме того, даже ограниченные по количеству прилагательные не обладали семантическим объемом, характерным для полисемии французских прилагательных. Наличие двух разных картин в лексико-семантическом объеме прилагательных во французском и английском языках является также отличительной приметой культурного и бытового уровня двух народов в данную эпоху. Прав Морис Шён, отмечая, что прилагательное показывает наличие этнической группы со своими собственными характерными чертами и отличавшейся общностью жизни членов коллектива⁵. Конечно, подобное высказывание не следует трактовать с позиции «национального духа» или особого «национального мышления» или как «языковое мировоззрение»⁶. Эти «теории», несомненно, ничего общего не имеют с марксистской интерпретацией языковых явлений. Количество и семантический объем прилагательных отражает потребность данной эпохи и данного народа в выражении понятийных и экспрессивно-эмоциональных содержаний. Именно в результате всестороннего общения Англии с Францией в XIV—XVI веках такой наплыв французских слов стал прежде всего возможным, что, в свою очередь, говорит также и о более высоком уровне развития Франции в ту эпоху⁷.

Так, с одной стороны, господство Франции в Европе и ее более развитая культура, а с другой — необходимость в обогащении английской лексики были теми главными причинами, которые способствовали заимствованию слов из французского языка. Эти заимствования прочно вошли в словарный фонд английского языка.

Не преувеличивая роль этих заимствований, мы склонны, тем не менее, подчеркнуть их большую важность.

Даже беглое ознакомление со списком заимствованных прилагательных среднеанглийского периода приводит исследователя к выводу, что большинство этих заимствований не только прочно вошло в англ. язык, но многие из них завоевали ключевые позиции в лексико-семантических группах, в которых эквиваленты англо-саксонского происхождения оттеснены на задний план или вообще не существуют.

⁴ Настоящее семантическое исследование рассматривает эти две лексико-семантические группы в синхронном плане. Следовательно, генетический анализ не входит в данную тему, поэтому даты заимствования и этимология взяты из (NED = The Oxford English Dictionary, being a corrected re-issue with an introduction, supplement and bibliography of A New English Dictionary on Historical Principle, London, 1933 и Skeat's Etymological Dictionary, New Revised Ed., 1909, London).

⁵ Maurice Schöen — *Vie et mort des mots*, Paris, 1951, p. 12.

⁶ См. К. А. Левковская, «Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала», М., 1962.

⁷ «Мы можем видеть в датированных словах влияние контакта двух образцов жизни» — W. Entwistle, *Aspects of Language*, London, 1951, p. 29

Большинство прилагательных пришло на «полупустые» или «пустые» места в английском языке, и поэтому их появление не встретило сильного сопротивления исконных прилагательных, вследствие чего они абсорбировались в английском языке сравнительно легко. Поэтому старание некоторых англистов уменьшить роль французских заимствований нам кажется неверным. Вот что пишет О. Есперсен в своей книге «Growth and Structure of the English Language», сопоставляя семантическое развитие и лексическое значение англо-саксонских прилагательных с их французскими эквивалентами: «Предыдущее (т. е. исконное слово) всегда (подчеркнуто мною—П. М.) ближе сердцу нации, чем последнее (т. е. французское заимствование); оно самым тесным образом ассоциируется со всем тем, что является примитивным, основным, всенародным, в то время как французское слово часто более формально, более вежливо, более изысканно и является периферийным при выражении эмоциональной стороны жизни»⁸. В качестве примера этот крупный англист приводит такие пары, как *cottage-hut, to dress-to clothe, aid-help, hearty-cordial, darling-favourite, deep-profound, lonely-solitary, indeed-in fact, to give or to hand-to present or to deliver, love-charity*.

Во-первых заметим, что такое категорическое заявление как «всегда», в предложении «всегда ближе к сердцу», не совмещается с его же высказыванием—«французское слово часто более формально» (подчеркнуто мною—П. М.). Во-вторых, из приведенных им же примеров видно, что они взяты случайно, без учета периода заимствования, потому что те заимствования, которые относятся к среднеанглийскому периоду, своим лексико-семантическим поведением отличаются от поздних заимствований.

Не учтены лингвистические факторы, сопровождающие каждую эпоху заимствования и влияющие на становление в языке того или иного потока заимствований. Кроме того, это высказывание, если даже оно не сопровождалось бы наречием «всегда», опять не отражало бы объективную истину. Становление той или иной группы слов (заимствованных или исконных) обусловлено также потребностью языка в коммуникативных и номинативных функциях. Так, например, высказывание О. Есперсена можно отнести в основном к заимствованным прилагательным в современный английский период (*unique, eccentric, extraneous, extrinsic*), но вовсе не относится к раннему и позднему периодам среднеанглийского языка, когда все заимствования этого периода—*strange, curious, singular, quaint, foreign, alien* заняли почти «пустые» места (настолько незакрепившимися были их англо-саксонские эквиваленты *uncouth, outlandish*). Еще одна объективная причина: поток французских заимствований раннего среднеангл. периода совпал с формированием национального языка Англии. В связи с этим Альберт Бау правильно замечает, что «важнее распознавать характерное применение каждого синонима—П. М.), чем руководствоваться предубеждениями в пользу одной группы в отличие от другой»⁹. Мы рассмотрели изучаемые группы именно с этой точки зрения. Подобный подход представляет, на наш взгляд, не только лексикологический интерес, но и помогает определению места и роли заимствованных слов как в среднеангл. период, так и в совр. англ. период.

Одна из особенностей настоящего исследования заключается в выявлении полисемии этих прилагательных. Осознавая сущность полисемии во внутренней жизни слова, и также ее важность в становлении того или иного прилагательного, мы обратили также внимание на те факты в развитии слова, которые говорят в пользу его автономности, его реального существования. Примечательны в этой связи слова А. И. Смирницкого: «Каждое слово с лексической точки зрения выступает как данная, конкретная, индивидуализированная единица, отличная от других единиц того же порядка»¹⁰.

Следует отметить, что вопрос индивидуальности слова тесно переплетается с полисемией. Помимо вышеуказанных явлений, в полисемии слова наблюдается (когда значения взяты в отдельности) развитие смыслового объема по линии стержневого при-

⁸ O. Jespersen — Growth and Structure of the English Language, 9th ed., USA, p. 103.

⁹ Albert Baugh — A History of the English Language, London, 1957, p. 226.

¹⁰ А. И. Смирницкий, Лексикология англ. языка, М., 1956, стр. 21.

нака. Индивидуальность этого развития¹¹ не мешает тому, чтобы оно носило и обобщающий характер. Самостоятельность развития выявляется при обследовании внутренней формы слова. Но при сопоставлении этой единицы с другими единицами синонимической группы¹² проявляется общность понятийного содержания. Говоря об этих двух признаках, присущих слову, А. И. Смирницкий правильно подмечает, что слово «оказывается разделенным на две части: особую, принадлежащую данному индивидуальному слову, и общую, принадлежащую всему данному разряду слов и выступающую в каждом отдельном слове как некоторая «категориальная оболочка», в которой заключена особая, индивидуальная часть семантики слова»¹³. Дело в том, что благодаря развитию человеческого мышления и его обобщающего характера, из разных исходных точек можно прийти к одному понятийному содержанию, что А. И. Смирницкий называет «категориальной оболочкой».

Автономность семантики слова выражается не только в наличии признака понятийного содержания в полисемантических значениях. Есть и другой фактор—степень отражения того или иного понятийного признака в разных значениях слова. Понятийное содержание, общее для данного порядка, обладает своей спецификой отражения в тех или иных значениях, с одной стороны, под влиянием стержневого признака слова, а с другой—вследствие лексического взаимоотношения внутри синонимического ряда. Пути семантического развития к общепонятийному содержанию слова разные. Следовательно, смысловой объем того или иного значения слова в разной степени и в разных аспектах может отражать данное понятийное содержание. Это говорит о том, что пересекаемое значение не обязательно должно быть номинативным в каждой единице лексико-семантической группы. Если некоторые авторы пришли к такому заключению¹⁴, то это, очевидно, можно объяснить только случайными совпадениями в исследуемых ими группах. Синонимические ряды, рассмотренные нами, опровергают этот тезис.

В настоящем исследовании вышеупомянутые прилагательные рассмотрены в синхронном плане. Понятно, что при изучении положения вещей в семантике тех или иных единиц на каком-то этапе развития нельзя не прибегать к диахронии. Без краткого исторического обзора любой синхронный анализ немислим, ибо в таком случае нельзя будет говорить о глубоком и всестороннем семантическом развитии как отдельных слов, так и лексико-семантических групп в целом. Справедливо замечание Т. А. Дегтяревой о том, что «сама проблема семантических изменений слова немислима только в синхроническом плане»¹⁵; или, как правильно подмечает А. И. Смирницкий, «поперечный разрез языка, не имеющий протяженности во времени, в принципе невозможен, т. к. фактор времени по самому существу входит в язык... синхронически система языка неизбежно должна рассматриваться во времени»¹⁶. Итак, мы постарались руководствоваться историческим аспектом «в порядке справки»¹⁷. В современном плане «в увязке синхронии и диахронии»¹⁸ материал не рассмотрен в сугубо синхронном плане, поскольку рассмотрение семантики прилагательного в современном английском языке тесно связывается с развитием слова за последние 400 лет. Но исторический аспект в данном случае является как по своему объему, так и по содержанию, второстепенным, вспомогательным фактором.

¹¹ Она, кстати, вовсе не противоречит смысловому взаимоотношению между другими единицами данной лексико-семантической группы, таких как, скажем, синонимическая или синтаксическая аналогия.

¹² Речь идет о пересекаемых значениях.

¹³ А. И. Смирницкий, Звучание слова и его семантика, «Вопросы языкознания», 1960, № 5, стр. 114.

¹⁴ А. А. Реформатский, К. Л. Левковская, А. А. Уфимцева.

¹⁵ Т. А. Дегтярева, Системный характер семантических изменений в лексике. «Ученые записки МГПИИЯ», том IX, 1956, стр. 74.

¹⁶ О. С. Ахматова, «Очерки по общей и русской лексикологии», стр. 157, М.

¹⁷ К. А. Левковская, «Теория слова» и т. д., стр. 22.

¹⁸ Там же.

В настоящем исследовании наблюдалась следующая примета, присущая лексико-семантическим вариантам этих прилагательных. Это промежуточное значение¹⁹—один из важнейших факторов сохранения монолитности в полисемантическом слове²⁰. Переходные или промежуточные значения наблюдаются, в частности, во всех тех прилагательных, в которых поздно развившиеся значения являются аффективными, в то время как стержневое значение является буквальным. Регулярность наблюдаемого явления как-то отражает этапы человеческого мышления, дальнейшие сдвиги его границ.

Наличие промежуточного значения, как один из лексико-семантических вариантов слова, составляет еще один дополнительный довод в пользу тезиса о системности семантического развития его. Этот «переходный камень» нами был выявлен как во французском языке²¹, так и в самостоятельном смысловом развитии прилагательного в английском языке. Так, например, сближающим звеном двух значений «странный» и «иностранный» в прилагательных *strange, foreign, uncouth, outlandish* является промежуточное значение «незнакомый с чем-либо, непривычный».

Правильно подмечает Р. А. Будагов, что «стоит только найти «промежуточное звено», которое связывает, казалось бы, несоединимые значения, как непонятное становится понятным»²². На самом деле на первый взгляд трудно найти общее между *peculiar* «частный» и *peculiar* «странный», или между *singular* «один, единственный» и *singular* «странный» или *strange* «странный» и *strange* «иностранный» и т. д. Однако, обращаясь к промежуточным звеньям, довольно ясно можем обнаружить отражение логического перехода от одной понятийной формы к другой в полисемии слова. Изучение подобных фактов, помимо своего практического значения, представляет также интерес как констатация явления, отражающего разные этапы и формы мышления говорящего на данном языке, а также тесную связь между мышлением и его формой выражения. Ниже приводятся главные значения проанализированных прилагательных где промежуточное значение выделено.

<i>strange</i>	— иностранный > незнакомый > редкий > необыкновенный > странный.
<i>singular</i>	— единственный > исключительный, необыкновенный > странный, экстраординарный.
<i>peculiar</i>	— особый, специфичный > необыкновенный, необычайный > странный
<i>quaint</i>	— искусно изготовленный, элегантный > необычайный, необыкновенный > странный
<i>unique</i>	— один, единственный, бесподобный > непревзойденный > необыкновенный > странный (диал.)
<i>eccentric</i>	— не одного центра > не имеющий ничего общего > необыкновенный > причудливый, странный
<i>uncouth</i>	— неизвестный > неиспытанный, необыкновенный > странный

Регулярность наличия переходных значений в полисемии рассматриваемых прилагательных как внутри одной лексико-семантической группы, так и между двумя группами приводит нас к выводу о существовании семантической аналогии между единицами. Более того, при анализе этих рядов мы заметили также наличие грамматической аналогии—постпозитивное *to* в фигуративных значениях *foreign, alien, extrinsic, extraneous*. Несмотря на самобытное развитие каждого прилагательного, эти явления говорят одновременно о том постоянно и объективно существующем «взаимодействии общего и отдельного», как о «законе исторического развития языка» и как об одной из «мно-

¹⁹ Удачным термином, характеризующим данное явление, могло послужить английское слово *stepping stone*— «переходный камень».

²⁰ См. К. А. Левковская, Теория слова, стр. 19, а также S. Reiss, *The Rise of Words and Their Meanings*. New York, 1950, p. 19.

²¹ В ряде случаев в английском языке заимствованы как стержневые, так и промежуточные и переносные значения.

²² Р. А. Будагов, Многозначность слова в сб. «Научные труды высшей школы», филологические науки, 1958, № 1, стр. 8.

гих других аспектов» взаимодействия²³ потому, что «ассоциация слов на основе общности их значения реально существует»²⁴. Эта ассоциация в нашем анализе обуславливается, в первую очередь, переходными звеньями, которые способствуют включению слова в одну понятийную категорию.

Имеется и другая особенность в проанализированном материале, которая также носит системный характер в семантике этих прилагательных. Это раздробление одного из стержней на ряд значений и субзначений. Это явление приводит к ухудшению смыслового объема этого стержня и его дериватов и в ряде случаев переходит в специализированные значения. Так, например, *strange* в своем первоначально заимствованном значении, как «принадлежащий другой местности; неизвестный в данной местности» > чужой, иностранный», распадается на множество значений и подзначений—«не из одной семьи», *strange woman*—проститутка (в специфическом сочетании), «недружеский», «нелюбезный» (фигуративное), с последующим ухудшением смыслового объема стержня и отмиранием производных значений. Аналогичен случай с *curious*, где первоначальное стержневое значение, заимствованное из французского *qui a cure de, solin de, souci de*, раздробляется примерно на 17 значений и подзначений, и все они, в том числе и стержневое, отмирают в современном английском языке. Или возьмем *singular*, заимствованное в среднеанглийский язык в пяти значениях (не считая специфического *combat singular*). Все они распадутся по своим стержням на многочисленные значения и подзначения локального характера или выступающими в узких сочетаниях, все (как буквальные, так и аффективные) отмирают, за исключением терминологических значений (грамматика, логика, математика). Случай раздробления и, следовательно, отмирания стержневых значений, а также позднее развитых производных значений, наблюдается и в прилагательном *qualit*, где в своем постепенном сближении французских и латинских стержней они сливаются, и все значения переходные и сближающие эти два стержня постепенно отмирают. В *resultat* первое заимствованное значение—«собственный, частный»—распадается на специфические значения и сам стержень отмирает. В *alien* происходит распад буквального значения «иностранный» на терминологические сочетания и семантическое сужение самого буквального значения. В *extrinsic*—раздробляется первоначально заимствованное значение «расположенный вне, внешний» на терминологические значения, а само стержневое значение отмирает. И, наконец, то же самое мы видим и в исконном прилагательном *upsoth*, где все три стержня разветвляются семантически и в современном языке это прилагательное суживает свой семантический объем и выступает в специфических сочетаниях.

Конечно, подобное регулярное явление, которое наблюдалось нами в качественном развитии лексико-семантических вариантов этих прилагательных, не является единственной причиной ухудшения значения. Конкуренция внутри каждой лексико-семантической группы, а также между разными по понятийному объему, но логически соотносимыми группами (*strange* и *foreign*) являются немаловажными факторами.

Как рассмотрение развития полисемии вокруг стержневого значения, так и вопрос о раздроблении значений принадлежит к сфере исторической семантики. Однако они упомянуты здесь, поскольку оба явления наблюдались нами как объективно существующие особенности в развитии слова, чем еще раз подтвердился системный характер смыслового развития слова. А констатация этого факта представляет интерес, выходящий из рамок исторической семасиологии. Как правильно подмечает Р. А. Будагов, эти «распавшиеся значения дают возможность глубже понять всю закономерность развития данных значений, историческую преемственность их формирования»²⁵. Несомненно, глубокий анализ развития полисемии в слове способствует выявлению внутрисловных связей, разновидности человеческого мышления и, в частности, многогранности обобщающего характера этого мышления, а также отражению внеязыковых

23 Р. А. Будагов, К критике релятивистических теорий языка. «Вопросы теории языка в совр. зарубежной лингвистике», М., 1961, стр. 13.

24 Ю. Д. Апресян, Проблема синонима. «Вопр. языкозн.», 1957, № 6, стр. 84.

25 Р. А. Будагов, Многозначность слова в сб. «Научные труды высшей школы», филологические науки, 1958, № 1, стр. 11—12.

условий на семантическое развитие, связи исследуемого языка не только с родственными, как пишет Р. А. Будагов²⁶, но и с союзными языками (в данном случае между французским и английским языками).

В течение всего исследования этих прилагательных наблюдалась еще одна закономерность. Это ощущение стержневого значения в полисемии слова. Собственно говоря, эта семантическая особенность выступает в слове в виде дифференцирующего признака, который проявляется особенно при сопоставлении пересекаемых значений единиц одного порядка. Стержень первоначального буквального значения выступает в значениях слова, развитых позднее (номинативное, переносное и т. д.). Это относится и к повторно заимствованному стержню, чья фигуральная сущность ощутима в его дериватах. Эта закономерность наблюдалась нами как во французских, так и в английских прилагательных, что говорит об обобщающем характере человеческого мышления, выражающегося в логической аналогии, а также о сдвиге границ этого мышления, когда аналогия переносит буквальное значение в фигуральную плоскость, или само первичное переносное значение видоизменяет свой признак и расширяет возможности своей сочетаемости. Наличие стержневого признака не только предопределяет семантическую самобытность слова, но и служит для сохранения монолитности полисемии. В самом деле «полисемия предполагает не только разные значения, но и известную общность между ними»²⁷. Наличие стержневого признака в полисемантическом слове составляет эту «известную общность» между разными значениями слова. Стержневой признак обеспечивает переход от одного значения к другому, или так называемую филляцию значений слова.

Так, например, еще во французском языке *singulier* становится «странным» «экстраординарным», благодаря своей «единичности» (стержень). То же самое можно сказать о семантике (в английском языке) прилагательного *peculiar* «то, что принадлежит исключительно индивидууму» (стержень) становится «непохоже на другое» «необыкновенный», а следовательно, и «странный». Или возьмем *quaint*. В своем семантическом развитии это прилагательное становится «странный» с оттенком «привлекающий» благодаря своей привлекательности в виде старомодного, но красивого (элегантного) наряда (опять ощущается французский стержень—«элегантный, изысканный»). В прилагательном *unique* опорная идея—«одни, единственный»—остается живой и ощутимой во всех его значениях, в том числе и в терминологическом (математика). Отражение стержневого признака можно увидеть и в *eccentric*, где второе переносное значение этого прилагательного—«эксцентричный странный»—развилось на основе стержня—«не единого центра, не совпадающий с центральной осью». Такую же картину можно наблюдать и в *unusual*—«неизвестный» «необыкновенный», вследствие чего развивается «странный»; в *extrinsic* (в англ. языке) то, что «находится вне, внешний» становится «чуждый», или в *alien* то, что «принадлежит другому», «иностранный», следовательно «чуждый по своей природе», а то, что «чуждый» может стать и «отталкивающий».

Разные несоответствия с принятым стандартом или единственность, принадлежность индивидууму в отличие от собственности коллектива развивается в идее о странности и ставит единицы в один ряд, что говорит о наличии логической аналогии, которая обобщает значения этих слов в одно понятийное содержание с дифференцирующими признаками, отражающими стержневое значение. На самом деле, вопрос о наличии в той или иной форме опорного значения в дальнейшем семантическом развитии слова тесно переплетается с вопросом об оттенке значения. Вот что пишет академик В. В. Виноградов по поводу стержневого признака: «...единство слова организуется прежде всего его лексико-семантическим стержнем, который является общим у всех

²⁶ Там же. Ст. Р. А. Будагова. Многозначность слова, в сб. «Научные труды высшей школы», филолог. науки, 1958, № 1.

²⁷ Р. А. Будагов. Многозначность слова в сб. «Научные доклады высшей школы», филологич. науки, 1958, № 1, стр. 10.

его форм»²⁸. Правильно представлен этот вопрос и в работе А. А. Уфимцевой, которая, кроме общности логико-предметного содержания как одного из факторов, обуславливающих «спаянную систему смысловых элементов», отмечает также «лексико-грамматические формы»²⁹. Неустойчивость грамматических форм у заимствованных прилагательных наблюдается особенно в первоначальной стадии заимствования: *strange*, *es-trange*, *straunge*, *curious* (17 разновидностей правописания), то же самое у *peculiar*, *singular* и у исконных прилагательных *uncouth*, *unlandish*, что объясняется как внешними, так и внутренними факторами языка. Формирование английского языка, который в период этих заимствований был в своей зачаточной стадии, а также необходимость определенного времени для закрепления заимствованных прилагательных объясняют колебания грамматических форм в этих единицах.

Исследуемый материал позволяет нам внести исправления в словарных статьях отдельных значений единиц. Возьмем, во-первых, номинативное значение *strange*. Если признак отрицательности в этом значении раньше носил окказиональный характер, в настоящее время он выступает как сопутствующая черта семантического объема значения *strange*. Все его смысловые оттенки (*strange* = отталкивание, непонятность, контраст, недоумение) сводятся к этому отрицательному элементу, которым обуславливается нынешнее понятийное содержание этого значения. Именно по этой причине нам кажется, что следует упомянуть в словарной статье об этом обобщающем и всегда присутствующем признаке *strange* при определении его номинативного значения. Справедливы слова Р. А. Будагова, который пишет: «В тех случаях, когда в контексте рождаются новые оттенки слова, которые раньше ему свойственны не были, они либо еще не превращаются в значение, ...либо, обобщившись до уровня значения, оттенки, ранее бытовавшие только в определенных контекстах, выступают в смысловую структуру слова и увеличивают количество его значений, а иногда просто изменяют их»³⁰. В данном случае оттенок отрицательности ныне выступает в номинативном значении как «смысловая структура слова» с соответствующим изменением семантики значения. Этот признак отрицательности настолько упрочился в *strange*, что он проходит по всему или почти по всему семантическому контексту этого значения прилагательного. «Почти по всему» употреблено, поскольку иногда (хотя очень редко) *strange* применяется с нейтральной окраской, что является сугубо случайным явлением. Кроме того, элемент отрицательности является одним из бытующих признаков в понятийном содержании номинативного значения *strange*. Номинативное значение, как правильно подмечается А. А. Уфимцевой, должно включать «самые существенные признаки выражаемого словом понятия»³¹. А признак отрицательности — самый существенный в *strange*.

В исправлении словарной статьи нуждается также *curious* в своем номинативном (субъективном) значении, но в ином аспекте. В *NE D* зафиксирована также сопровождающая примета значения — «желающий видеть или узнать; любознательный, любопытный» «часто с оттенком осуждения; желающий узнать то, что не касается субъекта; поглядывающий с излишним любопытством». Речь идет о вытеснении этого оттенка из семантики значения, что, очевидно, произошло в результате конкуренции с *inquisitive* и придало значению более обобщающий или нейтральный характер, вследствие чего контекстуальная сочетаемость этого значения *curious* расширилась. В настоящее время оттенок отрицательный *curious* в этом значении является *para legomenon*, и следует отказываться от него при словарном определении значения, как очень редко «бытовавшего в контекстах» (Р. А. Будагов).

Другая разновидность представлена номинативным значением *peculiar*. Возможно, что некоторое время назад признак странности в его значении «необыкновенный, не-

²⁸ В. В. Виноградов, О формах слова. «Изв. АН СССР, отд. литературы и языка», том 111, вып. 1, 1944, стр. 34.

²⁹ А. А. Уфимцева, Опыт изучения лексики как системы, М., 1962, стр. 256.

³⁰ Р. А. Будагов, К критике релятивистических теорий языка в кн.: «Вопросы теории языка в совр. зарубежной лингвистике», М., 1961, стр. 18.

³¹ А. А. Уфимцева, Опыт изучения лексики как системы, стр. 257, М., 1962.

«обычайный» не выходил за пределы окказионально-сопутствующего признака. Однако в настоящее время этот признак обобщился до уровня самостоятельного значения, возникшего от номинативного «необычайный, необыкновенный». Определение его как подзначения, употребляемое в нелитературном языке, как это делает W. D.³², также не отражает действительного положения вещей, ибо в нелитературном языке peculiar употребляется с усиленным признаком интенсивности, о чем правильно отмечает D. S. & U, E.³³. Возвращаясь к strange, следует отметить, что или во время составления NED признак отрицательности не выступал так четко, как в настоящее время (и статья не была пересмотрена при переиздании словаря The Oxford English Dictionary, a corrected re-issue with an introduction, supplement etc. London, 1933), или он был в такой стадии развития, в какой находится теперь peculiar, т. е. в так называемой «колеблющейся» стадии³⁴, что, как справедливо отмечает Г. Стерн, играет важную роль в смысловом изменении слова. Но для strange это «колебание» относится к прошлому.

Четвертая разновидность исправления словарной статьи наблюдается в переходном значении quaint — «необычный, необыкновенный». NED отмечает, что оно просуществовало до начала XIX столетия. Но контекстуальные наблюдения привели нас к выводу, что оно бытует в языке и поныне, правда, с несколько измененной семантикой и с сузившейся семантической сочетаемостью.

Все эти значения, в частности в синхронном плане, проверены на основании многочисленных контекстуальных данных, и предложена соответственная корректура при определении того или иного значения полисемантического прилагательного на основе общности признаков, выявленных в контекстуальных сопряжениях. При этом не принимались во внимание случайные эмоциональные и стилистические окраски, включенные в значения некоторыми авторами, носящие окказиональный характер. Мы взяли только те признаки, которые постоянно бытуют в семантике слова. В этой связи примечательна ошибочная на наш взгляд концепция Роберта Дж. Меннера, который отождествляет контекстуальное применение и значение слова, когда заявляет, что «значение слова может быть только сумма своих контекстов»³⁵.

Таковы некоторые обобщающие результаты семантического характера, достигнутые по наблюдениям, проведенным над двумя лексико-семантическими группами прилагательных, заимствованных из французского языка, и их англо-саксонскими эквивалентами.

Պ. Մ. ՄԵՆՆԵՐԻԱՆ

STRANGE ԷՎ FOREIGN ԱՇԿԱՆՆԵՐԻ ԵՎ ՆՐԱՆՑ ՀՈՍԱՆԻՇՆԵՐԻ ԻՍԱՍՏԱԲԱՆԱԿԱՆ ԶԱՐԳԱՑՈՒՄԸ

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Սույն հոդվածում շարադրված են ֆրանսերենից փոխառված երկու հոմանիշային շարքերի՝ str. n փ ո փ ու մ g ի ու նրանց անդր-սարտոնական համարժեքների իմաստարանական զարգացման, ուսումնասիրության արդյունքները:

Մեր կատարած ըննությունը և կոնտրոլային ուսումնասիրությունը իրոսում են հոդուտ իմաստարանական երևույթների փոփոխությունների օրինաչափ լինելուն:

³² W. D.—Webster's International Dictionary, Unabridged, 1961.

³³ D. S. & U. E.—Dictionary of Slang and Unconventional English, by E. Partridge, London, 1961.

³⁴ G. Stern-Swift, *Swiftly and Their Synonyms*, A contribution to Semantic Analysis and Theory, Goteborg, 1921, 11--12.

³⁵ Robert J. Menner—Multiple Meaning and Change of Meaning In English, „Language“, vol. № 2, 1945, 241.

Ուսումնասիրության ընթացքում լայնահայտված են այդ ածականների բազմիմաստության բոլոր դեպքերը: Բառի ինքնուրույն զարգացման հարցը սերտորեն առնչվում է բազմիմաստության հետ: Բազմիմաստ ածականների առանձին իմաստները քննելու դեպքում այս կամ այն շափով նկատվում է նաև նախնական առանցքային հասկանիչի արտացոլումը: Բառի նշանակության իմաստային ծավալը տարրեր ձևերով և աստիճաններով կարող է արտացոլել սույնուհասկացության բովանդակությունը:

Սույն ուսումնասիրության ժամանակ բացահայտվել է նաև, որ բազմիմաստ բառի միջանկյալ նշանակությունը մեկ իմաստից դեպի մյուսը առաջնորդող տրամաբանական կապ է հանդիսանում և այդ միջանկյալ նշանակությունը հանդես է գալիս որպես բազմիմաստ բառի միասնականությունը պահպանող գլխավոր ազդակներից մեկը: Այս օրինակափ երևույթը նկատվել է ինչպես ֆրանսերենում, այնպես էլ անգլերենում:

Վերը շարադրված օրինակափոխությունների հիման վրա, սույն աշխատության մեջ, առաջարկվում են նաև ուսումնասիրված ածականների բառահոգվածների փոփոխություններ, որոնք ստուգված են նաև ժամանակակից լեզվական գրականությունից վերցված բազմաթիվ կոնտեքստային կապակցություններում: